

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ И МИФЫ РУССКОГО СЕВЕРА В ИЗЛОЖЕНИИ ПИСАТЕЛЯ АНАТОЛИЯ ЕХАЛОВА

ЧАРОНДАК – ПАСТУХ БЕЛУЖИЙ

Кто из вас слышал что-нибудь про водного духа Чарондака? Про того, который жил сначала в глухом озере Чарондском, на берегу которого стоял город Чаронда, самый загадочный город в мире.

Скажу только, что по городу этому никогда ни одно колесо не проезжало. Жили в этом городе рыбаки, плавали во все концы на лодках, а зимой на санях ездили... А Чарондак в озере за пастуха был: русалок пас.

Но вот наступило время, и огромное озеро обмелело, стало тиной да травой зарастать, люди из города разбрелись, русалки в леса подались, и Чарондак ушёл, в озеро Белое перебрался.

Подрядился он в пастухи, белых коров в озере пасти. Ему без свежей проточной воды, как и без дела – не жизнь...

Жил Чарондак в последние годы в водном бучиле у плотины старой Маринки. Бывало, поднимется со дна, распустит свою зелёную бороду по течению и нежится на солнце.

Редко, кто его видел по земле шагающим. Только иногда зимой придут бабы на прорубь, а вокруг неё следы огромные лапчатые... Ясно: Чарондак выходил, весну выглядывал.

В озере белуги зимовали да в малых реках весной нерестились, а потом уходили они в Волгу, а уж из неё в Каспий. Там рыбы стаи несметные, а белуге

много надо пропитания... И то верно, размерами иная белуга с большую лодку, а то и с пароход...

Где-то в апреле вылезет Чарондак из своего бучила, стукнет посохом по ледяному панцирю и побежит по льду трещина от Белозерска до Липиного Бора. Шагает Чарондак по озеру и белых коров считает.

...Но вот задумали люди вместо Маринки построить большой водный путь, настроили по рекам плотин, остановили течение, запрудили озёра... Много стало воды. Радуйся, Чарондак, водный дух!

Только стали замечать люди, что всё реже и реже попадались следы его на льду Белого озера. Некого стало считать в Белом озере. Перегородили люди бетонными плотинами дорогу белугам из Каспия в Белое озеро. А потом и в старом бучиле перестали замечать зелёную бороду Чарондака. Пропал Чарондак.

А я-то знаю, где прячется сейчас водный дух. Он ушёл в город Чаронду, от которого осталось всего пяток домов да две старухи-вековухи.

Живёт он в ключевом колодце на самом его дне. Выходит иной раз на волю воды бабкам наносить да дров притащить из лесу.

Привезти не на чем. Ни колеса, ни телеги...

КАК ГОСПОДЬ ЛЮДЯМ РЕМЁСЛА РАЗДАВАЛ

Говорят, когда-то ходил Господь по земле с коробом, в котором несть числа было всяких ремёсел и промыслов. Ходил Господь по городам и сёлам и раздавал людям умения: кому гончарный промысел достанется, кому кузнечный, кому плотницкий, кому столярный, сапожный, катавальный, ложечный...

И было радостно людям, когда съедутся на ярмарки со всех округ: изделия свои, кто во что горазд, выставляют на продажу да обмен.

А вот Устюг Великий получился на особинку. В Великом Устюге промашка, говорят, у Бога вышла. Запнулся Господь за камень, уронил короб, и высыпалось из него сразу множество ремёсел. Набежали люди, ремёсла порасхватили, по избам растащили.

Махнул Господь рукой: «Пусть владеют да трудятся. А я потом вернусь да проверю. Все ли ремёсла сохранили или пожадничали, лишку прихватили...»

И расцвели в Устюге различные промыслы и ремёсла: и шемогодская резьба по бересте, и расписная глиняная игрушка, и северная чернь, и мороз по жести, и щетинно-щёточный промысел, и кузнечный и судостроительный...

Спустя время вернулся Господь в Устюг проверить: все ли ремёсла сохранили устюжане? Считал, считал, одного недосчитался. Забыли устюжане ремесло мороза по жести, не уберегли. А красивый был промысел. Сундуки устюжские, оправленные жостью, на которой были нанесены узоры, напоминающие окна в морозных кружевах, по всей России славу снискали и за границу сплавлялись из Архангельска.

Рассердился Господь на нерадивых устюжан и в наказание пустил им мороз по коже... Те ёжились, ёжились да стали валенки катать, полушубки шить да рукавицы, шубёнки... Но ремесло мороза по жести так до сих пор и не вспомнили.

ЛЕГЕНДА ЗАРОСШЕГО ПРУДА

Ранним утром мы идём проверять верши на речку Согожу. Дедко Полинар шагает впереди. На нём старенькая фуфайка, стянутая ремнём, за которым посверкивает топор. Шагает он легко, весело. И ещё байки рассказывает под скрип снега.

– До верши от дома у меня намерено пять тысяч шагов. А на расстоянии четырёх тысяч с половиной в лесу будет заросший пруд. Непростой пруд. Вот по весне растает лёд, и пойдём мы с тобой в полнолуние на голых девок глядеть. Ты только бабке моей про девок-то не проболтайся. А то пирогов не станет печь. А мы скажем ей, что на реку в ночное, а сами на пруд, шалашик соорудим и станем наблюдать...

– Что ты такое городишь? – возмущаюсь я. – Девки в такую пору по городам в ночных барах сидят да на дискотеках выплясывают... Чего им в диком лесу делать?

– Э-э, не скажи... Тут вот какое дело. Слышал, что в наших краях поляки в смутное время бродили...

– Это четыреста лет назад?

– Может и четыреста. Я не считал. Но знаю, что в этом месте, которое мы сейчас проходим, стояла богатая усадьба знатного боярина. И было у него

двенадцать дочерей и богатства всякого не меряно. Старики сказывали, в подвалах сундуки стояли золотом да серебром забиты.

И вот набрёл отряд поляков на эту усадьбу. Но барин уже знал, что идут гости не шибко дорогие. Ему бы в лес бежать, девок своих спасать, а он за сундуки ухватился. Только и успел, что в пруду их потопить. Вон-вон пруд-от... Вишь деревья на берегу ненашенские растут, это он их тут насаждал. Тут на середине пруда ключи подземные бьют, место глубокое. Вот, сказывают, он вывез сундуки на серёдку и сбросил за борт...

Только успел домой прибежать, как уж гости в ворота торкаются, из пицалей палят, саблями машут... Дворню, какая была, порубили, собак постреляли, приступились к барину: «Подавай золото и серебро!»

Слышь, им кто-то стукнул про золото-то. Сами всё обрыскали – нет богатства. Одни девки. Ну, девок они на потом оставили, полезли в пруду шарить. В те поры многие от поляков да литвы богатства по прудам и озёрам прятали. Монахи, так те обычно всё злато-серебро в колокола упрячут, досками забьют, воском зальют – и на глубину.

Вот те поляки весь пруд ошарили – нет сундуков. Давай барина мучить – молчит. Тогда, говорят, мы девок твоих на твоих же глазах топить в пруду станем, пока не сознаешься.

И вот, парень, такая беда: одну девку вывозят на пруд, на шею камень. Скажешь, где золото? Нет! И девку за борт.

Не сознался барин. Такая у него страсть к деньгам была, что дочек не пожалел. Так те поляки да литовцы всех девок в пруду у него и перетопили одну по за одной. Усадьбу пожгли. А барина не посекали, пока пытали его да девок топили – умом барин тронулся. Ушли.

А барин тот остался, одичал, скитался по лесу, ел ягоды да грибы, зайцев ловил да птиц и ел живьём с перьями... Всё девок своих по ночам на пруду кликал. А не выходят девки на батюшкин зов. Камень-то на шее держит. Тогда он и сам верёвку на шею – да в пруд.

Потом, когда посопрели верёвки, сгнили, и стали они на полнолуние выходить на берег... Все двенадцать девиц – красавицы из красавиц...

Я несколько раз ходил на них любоваться. Но только они хоровод заведут на берегу, как поднимется из пруда батько их страшной. Весь в тине... Так у меня мороз по коже... и волосья дыбом встают.

Так-то... Если не страшишься, то приезжай по весне на полнолуние. Сходим на девок тех поглядеть... Бабке моей не сказывай только...

...До верш оставалось ещё пятьсот шагов.

КАК ДЕРЕВНЮ НАЗОВЁТЕ...

Едешь по дорогам русского Севера, и как спицы в колесе мелькают привычные названия деревень: Горки, Новинки, Починки... Раменье, наконец... Сколько их Рамений-то? Не счесть...

А что означает это слово – «раменье»? Какой народ придумал это мудрёное название – Раменье, Рамешки?

Да свое это слово, родное, русское. От слова «рама» – «солнечная земля» означает. «Ра» – «солнце», «ма» – «земля»...

А ещё мелькают часто Доры и Дорки. Это-то что за причуда? На каком языке? На русском. «Дор» – свободное от леса сухое место. А произошло от слова «драть». Выдрали, выкорчевали лес, и получился «дор». Добавился к нему древний корешок «га», означающий «движение», и получилась «дорога».

Проехала по дороге телега, и поднялся с дороги всяческий «вздор»...

И Бор, опять же Борок свои названия получили от слова «братъ»... «У медведя на бору грибы ягоды беру...»

И деревня Коченьга, упоминаемая в моих рассказах вместе с одноимённой рекой, вряд ли требует перевода с других языков. Река, текущая среди кочек, коченья...

Но вот скоро мелькнёт и вовсе загадочное: деревня Спица, или Точка, или Чистая Баба, или Девять Изб, Молодки, Старики, Старухи, Парни и Девки... Понятно, скажем, название деревни «Гологузка» – не богато жили. Но само название деревни «Дураково» не совсем понятно, тем более что в советские времена общим голосованием деревня была переименована в «Дубки», хотя дубков там сроду не бывало.

В начале шестидесятых мой старинный друг Александр Баженов, простой водитель лесовоза, поставил на речке Юзе дом и основал деревню, которую сам и назвал – Красота. Теперь это очень большая деревня, вопреки усилиям властей всех мастей.

РЕКА ВРЕМЁН ЛЕГКО ПРЕОДОЛИМАЯ

Вам никогда не доводилось хлебать уху на священном камне наших далёких предков на реке Сухоне? Рассказывают, что на этом камне пробавлялся стерляжьей ухой Пётр Первый, когда на Север направлялся. И с ним свита в 90 человек на этом камне обедала. В тридцатые годы камень взрывали, как мешавший судоходству. Поэтому 90 человек сегодня посадить на камне трудно. Но я с товарищами хлебал и не раз ушицу на этом святом камне и много всяких историй слышал о реке и камне Лось, колдующем воду...

Говорят, что силу свою камень тот сохранил и поныне: удивительно, вокруг него в радиусе пятидесяти километров нет змей. Везде есть, а тут нет их... Чудеса. Да и река эта самая удивительная из всех, какие только бывают на свете. Для начала скажу, что в одной нашей реке текут сразу три реки. В самом своем начале, когда вытекает из озера Кубенского, она глубокая, полноводная, неспешная.

И зовётся она там рекою Рабангой. Так называли её далёкие наши предки, когда ещё только формировался язык, и все мы общались на древнем санскрите, давшем миру индоевропейское языковое древо. «Ра» – это солнышко, свет, значит. «Бан» – путь, «га» – движение.

Далеко лежит её путь – бан, за тысячу с лишним километров до Белого моря, где по небу ходят «радужные водяницы» северного сияния, где «день и ночь длятся по полгода». Так писалось в священных книгах «Ведах». Получается, что река наша – это путь к свету – на восток.

Она долгое время и течёт на восток, «встречь солнцу», словно выискивая подходящее место для броска на Север. Ведь чтобы попасть в «белопенное море Вараукаша», нужно реке взобраться на отроги Северных увалов, промыть, прорезать их. И вот недалеко от Тотмы река поворачивает на север, вгрызается в гряды Северных увалов и прорывается на северный склон их.

От Тотмы меняет река свой характер, стремительно скатываясь с Северных увалов, мелеет, то тут, то там обнажая золотистые песчаные косы... Вымывает в берегах гигантские каньоны – опоки высотой до 80-90 метров, обнажая земные отложения аж на 250 миллионов лет и течёт по эпохе пермского периода – временами динозавров и гигантских морских хищников...

Стоишь, бывало на берегу её в Опоках и ощущаешь себя каким-либо трилобитом триасского вымирания. До человека тебе ещё далеко: предстоит пройти путь в миллионы и миллионы лет, прежде чем осознаешь себя, выйдешь на берега этой реки времени и дашь ей ещё одно имя.

Здесь на отрогах Северных увалов название своё река меняет: отсюда она течёт уже Сухоней, то есть рекой «легко преодолимой». И то правда, в середине лета Сухону напротив Великого Устюга можно перейти вброд по колёно, несмотря на ширину её почти в километр.

За Устюгом, там, где Сухона вбирает в себя воды Юг-реки, течёт наша великая река уже Двиной. Опять же в древних ведических сказаниях, в священной книге «Махабхарате» называется она Ардвисурой Анахитой, что по-русски в переводе с нашего общего языка древности санскрита звучит, как «река двойная чистая, непорочная» – «дви-на».

В прошлом веке теперь, в 1995 году, путешествовали по Сухоне наши учёные с индусскими санскритологами. И когда утром, выйдя на палубу, они увидели высоченные слоистые берега Опок, то в священном трепете упали на колени и молились, радуясь возвращению на родину предков...

И ещё одно удивительное свойство имеет эта река: раз в год по весне она поворачивает своё течение от священного камня Лось и течёт вспять, пока не наполнится склень Кубенское озеро. А потом, умиротворённая, поворачивает свои воды и течёт покорно в студёное Белое море, сливаясь с водами великого Скифского океана, ныне Ледовитого, на дне которого, как предполагают некоторые учёные, лежат останки страны Дарии... Древние греки называли её Гипербореей.